

щении, где любой пользователь всегда может окупаться защитным полем виртуальной личности, с выдуманной биографией, интересами, а главное – искусственным образом-аватаром» [4, с. 60–61].

Таким образом, глубокие философские размышления Сергея Лишаева, изложенные им в книге «Помнить фотографией», с одной стороны, свидетельствуют о способности фотографии помогать человеку в решении самых важных личностных задач, способствуя самопознанию, саморефлексии, структурированию и осмыслению своего жизненного мира, формированию автобиографической памяти; с другой – показывают, что фотография может многое в нашем персональном мире исказить, лишить аутентичности, подменить подлинную реальность имплантантом, симулировать индивидуальное биографическое прошлое при помощи его копий и цифровых носителей этих копий. «Фото-протезирование памяти обходится недешево: наши воспоминания постепенно утрачивают экзистенциальную основу и теряют аутентичность, подменяются симулякрами. Человек помнит то, чего без просмотра фотографий он не помнил бы, и не помнит того, что, возможно (не будь в его распоряжении фото-архива), хранил бы в памяти многие годы. Индивидуальность равно проявляется в том, что человек помнит, и в том, что он забывает. Домашний фото-архив существенным образом трансформирует и память, и забвение. Сегодня человек уже не может внятно ответить на вопрос: что из своего прошлого помнит он, а что, с его помощью, помнит фотоальбом. Судя по всему, доступ в “экологически чистую”, “незатоптанную” фотографическими образами память закрылся, и закрылся надолго, быть может – навсегда» [5, с. 45–46].

Литература

1. Безрогов В.Г., Кошелева О.Е., Мещеркина Е.Ю. [и др.]. Педагогическая антропология: феномен детства в воспоминаниях : учеб.-метод. пособие / под общ. ред. Б.М. Бим-Бада. М. : Изд-во УРАО, 2001.
2. Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность : сб. науч. ст. / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова, В.Л. Круткина. Саратов : Науч. кн., 2007.
3. Визуальная антропология: настройка оптики / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М. : ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009.
4. Корнев В.В. Философия повседневных вещей. М. : ООО «Юнайтед Пресс», 2011.

5. Лишаев С.А. Помнить фотографией. СПб. : «Алетейя», 2012.

6. Соколовский С.В. Из детства – с приветом. Автобиографические этюды // Антропология социальных перемен : сб. ст. / отв. ред. Э. Гучинова, Г. Комарова. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2011. С. 701–733.

7. Щеглова Л.В. Значение этики в эпоху эстетизма // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. : Социально-экономические науки и искусство. 2003. № 2(03). С. 3–9.

А.И. ШИПИЦИН
(Волгоград)

РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ «КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ» (СПб. : «Астерион», 2011. – 384 с.)

В конце прошлого года в издательстве «Астерион» вышла в свет коллективная монография российских культурологов, философов и других представителей гуманитарного знания, посвященная концептуализации экспертных возможностей культурологии (авт.-сост. Н.А. Кривич; под общ. ред. В.А. Рабоша, Л.В. Никифоровой, Н.А. Кривич). Несмотря на то, что к культурологическому знанию сегодня апеллируют многие эксперты, а проблемы культуры имеют ключевое значение при обсуждении социальных, политических и даже экономических вопросов, культурологическая экспертиза до сих пор не является строго институционализированной формой деятельности с четким статусом и твердо обозначенной областью применения. Авторы на основе накопленного опыта гуманитарных экспертиз различного масштаба и с опорой на междисциплинарный подход предприняли попытку создать культурологическую экспертизу как особый вид экспертной практики. Анализ возможностей практического применения культурологического знания за пределами академической среды не в последнюю очередь вызван необходимостью продвижения культуролога (специалиста) на профессиональный рынок труда, что в современных условиях жесткой конкуренции представляется весьма актуальным. Тематически данная работа является продолжением коллективной монографии «Фило-

софия и культурология в современной экспертной деятельности»*, в которой ученые и практикующие эксперты акцентируют внимание на вопросах специфики современной экспертной деятельности и сферах практического применения культурологического знания.

В рецензируемом сборнике подробному обзору и анализу подвергнута существующая экспертная практика, квалифицируемая как культурологическая экспертиза. Авторы книги дают следующее определение культурологической экспертизы. Во-первых, под ней они понимают сам факт участия культурологов (специалистов с соответствующей академической квалификацией) в различных видах экспертиз. Во-вторых, привлечение концептуального аппарата культурологии для создания экспертного инструментария (приемов и методик) в традиционных и инновационных видах экспертизы также расценивается научным сообществом как культурологическая экспертиза. В-третьих, экспертная практика, которая своим предметом или контекстом полагает культуру в широком смысле (коллективный опыт, мир ценностей и смыслов, сложная реальность, пронизанная нелинейными взаимосвязями между различными сферами жизни), или в узком – как «отрасль», регулирующую культурной политикой, представляет собой не что иное, как культурологическую экспертизу.

Структура монографии выдержана в логике определения предмета и методов, возможностей и ограничений культурологической экспертизы и состоит из пяти частей и приложения. Не претендуя даже на самый сокращенный обзор всех вопросов, затрагиваемых авторами данной книги, коснемся лишь некоторых тем, показавшихся нам важными и новыми для культурологии.

В первом разделе монографии «Культурологическая экспертиза как проект» речь идет о миссии экспертной деятельности культуролога, функциях культурологической экспертизы, ее стратегических и тактических задачах, типах экспертного знания. Так, А.Я. Флиер в статье «Культурологическая экспертиза в процессах социального контроля и управления» обращает наше внимание на важнейший, по его мнению, элемент современного социального управления – диагностику социокультурного состояния общества, которая проводится на основании анализа культурной активности населения (количественной/качествен-

ной). Заниматься такой диагностикой (способной заметно поднять эффективность и продуктивность социального управления) на должном качественном уровне могут лишь подготовленные специалисты-культурологи, однако проблема состоит в том, что социальный заказ на такие исследования сегодня отсутствует.

Г.Л. Тульчинский, исследуя креативные технологии принятия решений в гуманитарной экспертизе, различает две основные группы методов экспертизы: формализованные и интуитивные. К интуитивным методам выработки экспертного решения приходится прибегать при отсутствии образцов, алгоритмов, инструкций, и в этом случае эксперт вынужден опираться на собственный личный профессиональный опыт. Именно в принятии интуитивного, творческого решения проявляется, по мнению Г.Л. Тульчинского, самая существенная и проблемная сторона гуманитарной экспертизы. Если понимать креативность как умение увидеть обыденное и привычное свежим, незамыленным взглядом, как бы заново, то в случае гуманитарной экспертизы речь идет о способности увидеть предмет экспертизы в новом возможном контексте, «обыграть» его, выявляя некоторые неочевидные свойства, параметры и тенденции развития. Автор статьи перечисляет приемы обыгрывания известного и привычного, которые могут использоваться в экспертной разработке сценариев развития событий, а также уделяет особое внимание специальным процедурам, используемым для стимулирования креатива: мозговой штурм, матрица возможностей, «диапазон креативности», поисковые деловые игры. Тем не менее ключевым условием, при выполнении которого любые креативные технологии выработки экспертного решения будут эффективными и плодотворными, справедливо называется профессионализм и компетентность привлекаемых к экспертизе специалистов.

В работе Л.В. Никифоровой и Е.А. Рудаковой «Особенности экспертного знания и культурологическая экспертиза» сопоставляются представления о задачах и возможностях культурологической экспертизы, бытующие внутри и вне культурологического сообщества. Приводимые высказывания ведущих российских культурологов и примеры укорененных в непрофессиональной среде оценок, взглядов на культурологическую экспертизу свидетельствуют о том, что уровень притязаний культурологов и уровень ожидания от культурологии зачастую не пересекаются. Для объяснения этого парадокса авторы статьи прибегают к

* *Философия и культурология в современной экспертной деятельности: кол. моногр. / редкол.: В.А. Рабош, Л.В. Никифорова, Н.А. Кривич. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2010.*

концептуальному описанию экспертного знания и экспертной деятельности. Увеличение роли экспертного знания в процессах модернизации культуры Л.В. Никифорова и Е.А. Рудакова связывают с нарастающей дифференциацией сфер деятельности, а также с «оповседневиванием» специального знания. Что касается экспертной деятельности, то ученые обращаются к типологии специалистов данного профиля. Предложенный ими вариант классификации экспертов включает три основных типа – эксперт-практик, универсальный эксперт и эксперт-интеллектуал, теснейшим образом связанных между собой и составляющих единую экспертную структуру. Отдельное внимание авторы уделяют эксперту-интеллектуалу, который «занимает особое место – маргинальное – положение по отношению к легитимным в данном обществе системам знаний. Миссия эксперта-интеллектуала состоит в проблематизации универсальных типов знания, он способен поставить их под сомнение, подорвать их статус-кво...» (с. 62). К подобному типу экспертов относятся представители гуманитарной науки, которые в советское время были если и не напрямую гонимы, то уж точно маргинальны на фоне официальной идеологизированной гуманитаристики.

Л.В. Никифорова и Е.А. Рудакова основную проблему видят в том, что культурологи, претендующие на статус универсальных экспертов, способных определять конечные знания существующей реальности, а не культурологи – потенциальные заказчики экспертизы ждут экспертов-практиков, отвечающих за конкретный, узкий сегмент реальности. В связи с этим к культурологам обращаются зачастую не по поводу культуры вообще, а по поводу решения тех или иных проблем. В целом «не стоит уповать на единственность или сверхценность культурологического знания, на достижение приоритета культурологии перед всеми другими социальными и гуманитарными дисциплинами» (с. 64), т. к. особенностью современного общества является сосуществование в нем конкурирующих групп универсальных экспертов.

Во второй части монографии объединены статьи, посвященные анализу способов институализации культурологической экспертизы, обзору форм законодательного и нормативного обеспечения культурологической экспертизы, определению статуса культуролога-эксперта и соответствующей сертификации, экспертных институций, сообществ и учреждений, ответственных за качество культурологической экспертизы.

Например, в статье Н.А. Кривич «Экспертная деятельность: процедурно-документационное сопровождение» речь идет о том, какие именно документы являются основанием для проведения экспертизы, какие документы должны быть представлены эксперту для работы, как должен выглядеть результат экспертной деятельности. Алгоритм проведения экспертизы описан следующим образом: возникновение экспертной ситуации – обращение заказчика к эксперту – заключение договора на проведение экспертизы – передача заказчиком всех необходимых для экспертизы доказательств эксперту – проведение экспертом требуемых изысканий – составление экспертного заключения – передача экспертного заключения и всех сопутствующих документов заказчику – подписание акта выполненных работ. Автор указывает на наличие в современной экспертной практике различных видов заключений, например, по характеру ответов на поставленные вопросы экспертные заключения классифицируют на категорические, вероятные и констатирующие, нередко их делят на оценочные и рекомендательные. Предложенная Л.В. Никифоровой четырехчастная структура заключения включает вводную, методологическую, исследовательскую части и выводы. Много внимания Н.А. Кривич заслуженно уделяет вопросу процедуры получения официального статуса государственного эксперта, нормативной регуляции его деятельности.

Третий, четвертый и пятый разделы охватывают преимущественные сферы экспертного применения культурологического знания. Представленные в них материалы опираются на реальные эмпирические данные и практический опыт культурологов. Среди рассматриваемых сфер – культурная политика (от государственного законодательства в области культуры до организации инициатив и проектов в масштабах города, региона), охрана культурного наследия, сфера художественного творчества, СМИ (газеты, телевизионные передачи, интернет-сайты), экспертиза научной продукции и образовательного пространства. Авторы данных разделов на конкретных примерах показывают предмет, методологию и методики культурологической экспертизы, касаются проблем профессиональной этики.

На примере работы художественно-экспертного совета Волгоградской области (Т.Б. Антипова «Восстановление традиции художественных промыслов: о методах работы художественно-экспертного совета (опыт Волгоградской области)», с. 153–169) описывается методика оценки изделий, создава-

емых ремесленно-промышленным способом. Она основывается на историческом, археологическом, искусствоведческом, этнографическом, социологическом, экономическом подходах к изучению проблематики. Автор выделяет критерии, по которым производится анализ изделий и отнесение их к традиционным ремесленным промыслам. Художественно-экспертный совет помимо экспертной деятельности занимается также консультативной, образовательной и исследовательской работой, с опорой на принцип культурологического исследования, совмещающая логический и исторический подходы к проблеме восстановления забытой традиции художественных промыслов.

Заключительная пятая часть монографии содержит подробный анализ возможностей культурологической экспертизы информационной среды в аспекте образно-символического содержания. На собственном пятнадцатилетнем опыте подготовки экспертных заключений С.К. Шайхитдинова в статье «Экспертиза текстов массовой коммуникации как исследование» обращается к выявлению проблемных зон исследовательского поиска. Экспертиза продуктов массовой коммуникации в настоящее время осуществляется в русле лингвистических экспертиз, предмет которых может быть определен как речевое высказывание. Автор считает, что экспертизу текстов массовой коммуникации следует выделить в отдельное направление в связи с «нестандартностью», особой комплексностью ее объектов. «Феномены языка не исчерпывают динамично развивающегося предметного многообразия текстов массовой коммуникации. Текстологическая экспертиза в этой сфере выходит за рамки лингвистической в поле культурного анализа» (с. 245). Опираясь на конкретные примеры подготовки экспертных заключений, С.К. Шайхитдинова определяет цель и задачи экспертизы продуктов массовой коммуникации и приходит к следующему выводу: назначение эксперта в условиях технологического и технического прогресса, когда общественное сознание лишено способности к критике, вырастает в миссию создавать своими решениями прецеденты, способствующие накоплению того или иного культурного опыта. В заключение отмечается, что как бы не назывался эксперт текстов массовой коммуникации, он должен быть специалистом в области медиакультуры, одно крыло которой представлено специализированной культурой лицензированных медиаорганизаций и

других субъектов медиарынка, другое – культурой, которую как участники повседневной коммуникации творим мы сами. Предметно-методологическое объединение этих разнотипных культурных сегментов возможно на основе понимаемого в широком смысле семиотического подхода, дискурсивная конкретизация которого происходит в зависимости от характера задуманного исследования и позиции эксперта, призванного быть теоретиком медиакультуры и ее критиком, защищающим интересы общества и отдельного человека (с. 263).

Приложение включает множество образцов и бланков документов, выдержек из законов, действующих положений и методик проведения экспертиз, непосредственно экспертные заключения, выполненные по конкретным запросам и способные составить прецедентную базу экспертной практики культуролога. Данный материал, безусловно, будет интересен как для практикующих, так и для потенциальных экспертов.

Резюмируя вышесказанное, отметим глубину и разноаспектность проведенной авторами рецензируемого сборника научных статей работы. Монография «Культурологическая экспертиза: теоретические модели и практический опыт» представляет собой оригинальный научный труд, который будет полезен научно-гуманитарной общественности, поскольку затронутые в нем проблемы новы, имеют несомненную теоретическую и практическую ценность для развития современной культурологии и позволяют составить представление о культурологическом потенциале различных видов гуманитарной экспертизы.

А.В. ВАЛЬКОВСКИЙ
(Волгоград)

**КИНОЛЕКТОРИЙ
«КОМПАРАТИВНАЯ ВИЗУАЛЬНАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ:
ФЕНОМЕНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
БЫТИЯ В МИРЕ КИНЕМАТОГРАФА»
НА БАЗЕ КАФЕДРЫ ТЕОРИИ
И ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ ВГСПУ**

Начиная с апреля 2012 г. на кафедре теории и истории культуры Волгоградского государственного социально-педагогического уни-